

ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ ТАИЛАНД

Ключевые слова: Таиланд, Бангкок, российско-тайские отношения

А.С. ЗАЙЦЕВ

Кандидат экономических наук

Тем, кто недавно открыл для себя Таиланд, наверное, непросто представить себе облик его столицы - «Великого города ангелов», в недавнем прошлом, таким, каким он был в начале 1970-х гг.

В центре города тогда выделялись несколько многоэтажных современных гостиниц, но это были редкие островки в море неказистых домов и деревянных халуп, теснившихся вдоль издававших невыносимый смрад каналов и небольших речушек, в которых стирали белье и купались ребятишки, спасаясь от влажной жары. Постепенно эти каналы, прежде всего в центральных городских кварталах, исчезали, закрывались бетоном и превращались в городские магистрали, как это было, например, перед старым зданием советского посольства.

ПРИФРОНТОВОЙ ГОРОД

Но больше всего тогдашнюю столицу Таиланда от нынешней отличали напряженная атмосфера прифронтового города и малочисленность иностранных туристов. Совсем рядом, во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже, шла война, к которой официальный Бангкок имел отнюдь не стороннее отношение, отдав американцам в аренду свои две самые крупные военно-воздушные базы. Там приземлялись, отбомбившись во Вьетнаме, самолеты с американских авианосцев, расположенных в Тонкинском заливе, и, после дозаправки и отдыха экипажей, вылетали в обратный путь.

Во многих бангкокских кварталах были сосредоточены увеселительные заведения с незатейливыми, по нынешним меркам, развлечениями, в основном бары с однообразными вывесками типа *whisky go-go*. Практически единственными их посетителями были одинаково коротко подстриженные молодые парни в гражданской одежде, которые держались только группами, и военная выправка которых, как и характерный раскатыстый говор, безошибочно выдавала их принадлежность к армии США. Наплыв этих ребят в бангкокских барах означал прибытие очередного судна, доставившего из Вьетнама «на отдых» еще одну большую группу американских солдат.

Другим безошибочным индикатором их прибытия было появление на городских рынках новых комплектов американского военного обмундирования и амуниции. Немногочисленные туристы, в основном немцы и австралийцы, предпочитали проводить вечера в ресторанах и барах гостиниц с молодыми и привлекательными тайками, с которыми они там же и знакомились.

Подобную картину в 1971 и 1972 гг. я наблюдал и в Паттайе. В то время невзрачный полусонный курортный городишко с несколькими, за редким исключением, низкоразрядными гостиницами, буквально оживал, когда на рейде появлялось судно с

прибывшими в увольнение американскими военнослужащими. На берег в ожидании подвозивших их катеров и лодок сбегалось чуть ли не все женское население Паттайи и близлежащих деревень, которое быстро «разбирало» прибывших. В такие вечера мы предпочитали оставаться в гостинице: переполненные бары с тайками подросткового возраста в компании американских солдат, беспрерывно снующие туда-сюда парочки на мототроллерах...

В бангкокской гостинице, где мы обычно останавливались, неотъемлемой частью обеда или ужина в зале ресторана было небольшое представление с классическими народными танцами и участием певицы, которая, по обыкновению обходя столики с иностранцами и справляясь об их национальной принадлежности, довольно бойко исполняла для каждого песню на их родном языке.

Продемонстрировав свой репертуар популярных в то время американских, немецких и французских песен, певица подходила к нашему столику, и повторялась одна и та же сцена. Услышав на свой вопрос на ломаном английском: *You come from what country?* в ответ: *From Russia*, певица неизменно выпаливала первое и, по всей видимости, единственное, что ей приходило на ум: *From Russia with love?!* Затем, переспросив еще раз, возможно, чтобы выиграть время, она принималась напевать каждый раз одно и то же - тему Лары из фильма «Доктор Живаго», который демонстрировался тогда в Бангкоке. Поскольку изначально слов на эту музыку не было, певица просто повторяла: *Oh, my Lara, la-la-la-la*. Вскоре, правда, на эту мелодию были сочинены слова. В остальном, в каждый новый приезд нас ожидали разные неожиданные нововведения, наподобие запрета на продажу пива в барах до 15-ти часов, которыми сопровождалась очередная смена правительства.

Мои тайские собеседники, с которыми я общался, участвуя в заседаниях рабочих органов Экономической комиссии ООН для Азии и Дальнего Востока

Представление советской делегации королю во дворце (крайний слева - посол А.А. Розанов, третий справа - автор).

(ЭКАДВ), позднее переименованной в Экономический и социальный совет ООН для стран Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), штаб-квартира которого и поныне находится в Бангкоке, показывали крайне небольшую осведомленность о происходящем в России и о стране в целом. Не встречали ожидаемой реакции и мои экскурсии в историю российско-сиамских связей, упоминания в беседах - в попытках разговаривать моих собеседников и узнать для себя что-то новое - известных событий и фактов прошлого, почерпнутых из институтских лекций и других источников. Например, о женитьбе на русской барышне тайского принца и о русском происхождении мелодии старого тайского национального гимна.

С тех пор, конечно, многое изменилось и в представлении тайцев о нас, и в нашем - о Таиланде, знакомом уже не понаслышке тысячам россиян.

ГАУБИЦА ДЛЯ КОРОЛЯ

С именем Его Величества короля Пхумпихона Адульядета (Рамы IX), находящегося на престоле с 1946 г., неразрывно связана вся новейшая история Таиланда. Являясь символом нации, он пользуется большим уважением как у своих подданных, так и за рубежом - не в последнюю очередь за его способность, продолжая традиции предшествующих сиамских монархов, уберегать страну как от прямого вовлечения в международные конфликты, так и от серьезных внутриполитических кризисов.

Широко известно, что король Таиланда - разносторонне одаренная личность, талантливый музыкант и художник. Разнообразны и его увлечения.

Об одном малоизвестном хобби короля мне довелось впервые услышать от него самого. Произошло это в марте 1972 г. во время проведения в Бангкоке 25-й юбилейной сессии ЭКАДВ, в которой я участвовал в составе нашей делегации. После окончания работы сессии состоялась церемония представления делегаций королю, который также почтил своим присутствием заключительный прием в одном из залов дворца.

В назначенное время мы прибыли во дворец во главе с руководителем нашей делегации советским послом в Таиланде А.А. Розановым. Как только нас выстроили по ранжиру, в зал вошел король, одетый в темный строгого покроя костюм, в сопровождении церемониймейстера в белом мундире. Мы по очереди подходили к монарху, который удостоивал нас рукопожатием, в то время как стоящий рядом посол представлял каждого члена делегации. На этом церемония для нас закончилась: в соседней комнате уже ожидали своей очереди следующие делегации, выстроенные по английскому алфавиту.

Так же строго по протоколу проходило общение с королем на заключительном приеме для делегаций в банкетном зале дворца.

Когда подошла наша очередь, церемониймейстер, предупредив, что на беседу отводится не больше 10 минут, подвел нас к круглому столу в центре зала, за которым сидел король. После нескольких обычных протокольных фраз он спросил, нельзя ли прислать ему «гаубицу советского производства, выпускавшуюся в конце Второй мировой войны». Оказалось, что этого вида оружия не доставало в личной королевской коллекции военной техники времен Первой и Второй мировых войн, расположенной на территории дворца. Телеграмма с пожеланием короля (речь шла, насколько я помню, о 152-мм гаубице образца 1943 г.) была незамедлительно отправлена в Москву.

Вскоре я отправился в длительную командировку и потому не знаю, какой ход был дан королевской просьбе.

КОРОЛЬ ОТКАЗАЛСЯ ОТ ПОЗИРОВАНИЯ ИЛЬЕ ГЛАЗУНОВУ

В 1984 г. Илья Сергеевич Глазунов ожидал инициированного им через наше посольство в Бангкоке приглашения от короля Пхумпихона Адульядета для написания монаршего портрета. Он рассчитывал закончить работу к 60-летию юбилею короля с последующим вручением ему в качестве дара от советского правительства.

Но королевский двор не спешил с ответом, и Илья Сергеевич обратился ко мне, тогда заведующему Отделом Юго-Восточной Азии МИД, с просьбой «ускорить решение вопроса». На мои вежливые напоминания тайскому послу и на его запросы в Бангкок реакции не последовало. В нашем посольстве и министерстве понимали, что вопрос о принятии в президентском дворце на продолжительный срок художника из Советского Союза, да еще в ситуации сложных на тот момент наших отношений с Таиландом, был непостоянным для тайской стороны. Шло время, а Бангкок хранил молчание. В ноябре 1987 г. по окончании праздничного приема в Кремлевском Дворце съездов, когда я выходил из зала, Глазунов окликнул меня: «Ну что, - нетерпеливо, в который уже раз, спросил художник, - ответа от короля так и нет?»

Чувствуя по его тону, что запас терпения у него на пределе, я переговорил, найдя подходящий момент, с тайским послом, который согласился со мной, что пора, наконец, окончательно прояснить вопрос с приглашением. Через неделю посол позвонил мне и предложил встретиться. Пока он добирался до здания МИДа, я строил разные предположения насчет возможного характера ответа, но того, что пришлось услышать, все же не ожидал. «Ответ негативный», - коротко бросил посол с порога кабинета и протянул мне, сославшись на данное ему поручение, небольшой альбом репродукций картин, принадлежавших кисти короля, с просьбой передать его Илье Глазунову.

ТАЙСКАЯ ПРИНЦЕССА РОССИЙСКИХ КОРНЕЙ

Изучая насыщенную событиями историю Таиланда, с которой я начал знакомиться, еще будучи студентом, в материалах библиотеки МГУ, я обнаружил множество неизвестных мне ранее фактов, свидетельствовавших о давних и тесных российско-сиамских связях.

Особый отпечаток на них накладывали теплые личные отношения между монархами двух стран - российским императором Николаем II и королем Сиамом Чулалонгкорном (Рамой V), начало которым было положено в 1893 г. посещением Бангкока Николаем II, тогда еще цесаревичем, и приемом его королем.

В 1898 г. сиамский принц Чакарбон (второй по старшинству сын короля) был приглашен Николаем II на учебу в Россию в престижном Пажеском корпусе. Известно также и о направлении российским императором на службу королю Сиаму своих гвардейцев. «Русский след» остался не только в потомках осевших там императорских гвардейцев, но и в мелодии старого государственного гимна Таиланда, в деталях парадной одежды тайской королевской гвардии и многом другом.

Встреча с тайской принцессой русских корней (в центре - принц, хозяйин приема, крайние справа - автор и принцесса).

Подобные факты, ныне хорошо известные всем, кто интересуется Таиландом, в те далекие годы приходилось собирать по крупицам. Отыскать их можно было в основном в дореволюционных изданиях. Авторы же и в Советском Союзе, и в Таиланде в 1950-е и 1960-е гг. - в разгар войны в Индокитае и при напряженных отношениях между нашими странами - эту тему не жаловали.

Поэтому ценной находкой для меня стали мемуары генерала от инфантерии Н.П.Епанчина, служившего директором Пажеского корпуса в период обучения в нем в 1898-1902 гг. принца Чакрабона. (Эти воспоминания под названием «На службе трех императоров» были переизданы небольшим тиражом в Москве в 1996 г. Приводимые ниже цитаты взяты из этого издания.)

«Его Величество (имеется в виду российский император. - А.З.), - вспоминал Н.П.Епанчин, - сказал мне, чтобы я смотрел на принца как на Его сына. Принц и сиамцы (с принцем воспитывались еще двое юношей) были помещены в Зимнем дворце, получали стол от Двора, придворный экипаж, прислугу и все прочие удобства; одним словом, они были обставлены по-царски... Все занятия они проходили совместно с их товарищами по корпусу... Никаких исключений и послаблений в дисциплинарном отношении для принца не делалось».

В подтверждение «дисциплинированности и благовоспитанности» принца директор Пажеского корпуса приводит следующий пример: «Когда в конце 1901 года принц был произведен и по его желанию с согласия Государя назначен камер-пажом при Императрице Александре Федоровне, в церемониальной части Высочайшего Двора был возбужден вопрос, согласно ли это будет с этикетом, что принц, член Царствующего дома, на церемониях будет нести шлейф Ее Величества. Когда об этом частным образом узнал принц, то он настоятельно просил не делать для него исключений, заявив, что он дорожит честью быть камер-пажом Императрицы, которая, как и Государь, милостиво относится к нему».

Приведу еще один любопытный факт. «В то время, - пишет Н.А. Епанчин, - в Петербург прибыл старший брат Чакрабона, наследник сиамского престола. Он воспитывался в Англии, и, как я узнал, его обучали главным образом боксу, тогда как у нас его младший брат получил хорошее общее и военное образование».

В 1902 г., после выпускных экзаменов, Чакрабон был произведен в корнеты гусарского Его Величества полка, в котором до отъезда в Сиам прослужил несколько лет.

Но еще до возвращения домой в личной жизни

принца произошло важное событие, о котором в упомянутых мною мемуарах рассказывается так: «Отправившись в Сиа, по дороге в Константинополь, Чакрабон повенчался с девицей из хорошей семьи, племянницей инженера путей сообщения Михаила Ивановича Хижнякова, главного инженера правления Юго-Западных железных дорог в Киеве. По возвращении в Сиа Чакрабон за то, что женился без разрешения, был заключен на год в монастырь, но его жена была принята хорошо».

В своих мемуарах генерал упомянул о своей встрече с молодой четой в Киеве, когда «Чакрабон приезжал с женой на побывку в Россию»: «В беседе со мной в доме М.И.Хижнякова Чакрабон рассказал мне, что управляет в Сиаме военными школами, а жена его в ответ на мой вопрос, заданный наедине, сказала, что хорошо чувствует себя в Сиаме и всем довольна». Больше автор мемуаров с принцем не встречался.

На основе появившихся в последние годы порою разноречивых публикаций, проливавших свет на обстоятельства знакомства и женитьбы принца Чакрабона на Екатерине Ивановне Десницкой и их дальнейшую судьбу после развода, воссоздать целостную картину тех событий непросто. Редкой удачей для меня оказалась встреча с прямой наследницей Екатерины Десницкой. Случилось это 16 августа 1987 г. в Бангкоке.

Однажды вместе с нашим послом в Таиланде В.П.Касаткиным я был приглашен на обед в одно из зданий президентского дворцового комплекса. На приеме нас ожидал сюрприз. Хозяин - лаосский принц, возглавлявший во дворце одну из влиятельных служб, представил нас молодой красивой женщине и многозначительно произнес: «Познакомьтесь с принцессой - потомком другой сиамской принцессы русских кровей».

Молодая женщина оказалась внучкой Екатерины Десницкой от ее второго брака с американским архитектором после развода с принцем Чакрабона. Я невольно пытался разглядеть в ней сходство со знаменитой родственницей, известной нам по фотографиям. Мне не терпелось приступить к разговорам, и такая возможность представилась за десертом. Конечно же, хотелось узнать от нее подробности о судьбе ее предков. О себе она рассказала, что прилетела из Лондона, где жила в последние годы, некоторое время была замужем за британским подданным, развелась и недавно вышла замуж за лаосского принца, который и пригласил нас на прием. В Бангкоке занимается организацией международных автогонок, в которых и сама собирается участвовать (авторалли было ее давнишним увлечением).

О своих родственниках принцесса вспоминала мало, но сочувственно и с теплотой. Несколько раз она возвращалась к эпизоду венчания принца Чакрабона и Екатерины Десницкой в Константинополе, в греческой православной церкви, рассказывала и о трудностях, которые им пришлось пережить по пути в Сиа. Темы отношения короля и королевы к русской супруге принца до и после его смерти она касалась с осторожностью, заключив, что «как бы то ни было, бабушка была признана законной супругой принца Чакрабона, когда он уже стал наследником престола, и ее титул сиамской принцессы перешел ко мне».

Мои попытки в конце вечера поговорить с ней по-русски (общение происходило на английском) успехом не увенчались. Но после фотографирования на память принцесса, прощаясь, все же произнесла по слогам и с очаровательной улыбкой: «До-сви-да-ни-я».